

Вы, конечно, решите, что это фантастический рассказ. Но, как в старину писали, «спешу предупредить»: мистика – не всегда выдумка. Началась эта в высшей степени странная и неправдоподобная история с Клуба германо-нашенского делового партнёрства. И тут пока ещё ничего загадочного нет. Клуб сей – этакое детище досанкционных времён, событие для нашего заштанного и затерянного в Сибири города. Прилетали немцы из Саксонии, из Баварии – представители деловых кругов, их на лимузинах посольского класса отвозили в конференц-зал губернского управления торговли и внешних связей, там с умным видом выспрашивали что-то через переводчиков.

И делали вид, что понимают. А деловые эти немцы с таким же умным видом давали интервью, звали к себе на инвестиции и сами привозили какие-то инвестиции... Впрочем, по-моему, все они больше болтали про инвестиции!

Немцам у нас нравилось. Летом они устраивали у нас Urzeitlich – первобытные дикие сплавы по девственно-безлюдным бурным горным рекам, а зимой – катились на лыжах по таёжным маршрутам. Сталинграда их лыжникам, видимо, не хватало – а впрочем, под Сталинградом их отцам не наливали водочки. Зато теперь – старались накачать «двойных», от переизбытка чувственно-корыстной «Дружбы – Фройндшафт», которая как обнялась со стаканом во времена ГДР, так никак уняться не могла....

И нашим прохиндеям у них там, в их баварских пивных, тоже нравилось. Поэтому сложился устойчивый такой блок,

– Есть.
– Великолепно! И много?
– Полна корбушка...
– Замечательно! Чувствовал – сверстаем сёдня великий номер газеты!
Когда годами в этом живёшь – перестаёшь удивляться...
Журналистика – очень сложный мир, в котором уметь писать – очень мало. Здесь нужно понимать, что можно писать на твоей ступеньке, а чего нельзя. Может быть, у репортёра отличный аналитический взгляд – ан нет, братец! Не твоё дело рассуждать! Увидел – записал, как было, и точка! Чтобы рассуждать вальяжно от первого лица – нужно быть двумя ступенями выше моего положения...
Опять же – рассуждать пишущий тоже может, только каждый о своём. К примеру, в региональной прессе ни к чему рассуждения о проблемах страны, человечества – это всё вздор, скажут тебе. Ты обдумай культурный смысл, шествуя в «культпоход на пивзавод». Причем местный. А в соседней области – уже неинтересно...
Одним можно фотку свою к материалу поставить. Другим – нечего, баловство! А третьи могут и несколько фоток выложить, в разных ракурсах, мол, вот я там был, мёд-пиво пил...
Как, например, эта продувная бестия, Сашка Фиолетов-Лепилов! Выдаёт себя за «профессионального прозаика», хотя по этой линии в жизни ни одного гонорара не получил, и очень любит везде выкладывать свои «фотки с великими». И мне предлагал. Я сухо отнекался:
– У меня фоток с великими нет...

Впрочем, в этом тоже нет ничего удивительного из разряда фантастики, однако дальше как раз и начинается нечто таинственное, выпадающее из обыденных рядов жизни.
Как вы уже поняли: исходя из законов природы и речи быть не могло, чтобы мне на Эльзу какие-то там виды имел! Эльза – прилетела с немецкой делегацией, в составе телевизионной группы, чтобы вести телерепортажи про несчастный этот германский деловой клуб для канала GTV. Это настолько «тамошний» их канал, что наши телевизоры его даже ловить боятся...
А то вы ещё подумаете – ну чего тут нереального? Мол, я журналист, она журналистка... Ни поношки подобного! Вы, если так подумали, просто нашего мира не знаете... Она – тележурналистка, с европейского телевизионного канала, она не просто фото своё к материалу приложить может, она вообще на экране вещает! Её оператор снимает на камеру, а она с микрофоном балабоит всякую ерунду про инвестиции и инновации в Сибири через Саксонию...
То есть Эльза – она элита из элит. А я – «серый гусар», пехтура, мелкота. И потому я, когда в первый раз её с микрофоном увидел, – вполне умно сказал себе: Тоша, держись подальше, чтобы международного скандала не было! Она – из поволжских немков, репатриантка 90-х, по-русски чешет лучше меня – но и немецкий в совершенстве знает. Чего-нибудь не то ей ляпнешь на любом языке – и выйдет афронт...
Но хоть я и сказал себе – держаться от неё подальше, но, вопреки уму, держался всегда поближе. Она такая тонкая, белокурая, зеленоглазая, смотреть приятно, а vicinity мне ещё её веснушки очень нравились... Знаете, почти незаметные, но очень озорные, если присмотреться...
Конечно, разумом я всегда понимал, что она обращается ко мне как к местному, а не как к мужчине. Но иногда играл сам с собой в сезонанку, приятно же вообразить, будто мы с тележурналисткой друзья!

Началось всё в тот день, когда ведущий немецкий инвестиционный банкир бойко щебетал про изделия табачной промышленности, которые у нас в пять раз дешевле, чем в Германии, и я грешным делом подумал, уж не собирается ли он контрабандо организовать?

Но он к чему-то другому гнул, к чему – уже не помню, потому что мы стояли в журналистском пуле плечом к плечу, она, помню, была в эдакой вычурной шотландской клетчатой накидке... И вот поворачивает ко мне своё ангельское личико и на чистейшем русском вдруг спрашивает:
– А ты не помнишь, что такое «аваль»?

ЧИТАТЕЛЬНЫЙ ЗАЛ

– Это такое поручительство по векселю... – пробормотал я, взмокнув. – Ну, или по чеку...
Я ведь не знал, про какой аваль она спрашивает, про вексельный или чекový, испугался, что введу в заблуждение европейскую телезвезду. А она увидела, что я поблбднел, и насмешливо так спрашивает:
– Неужели он такой страшный?!

Я не нашел ничего лучше, чем спросить, какой у неё акцент. Она ответила, что поволжский, что вообще-то она из России, но теперь живёт в Германии, что зовут её Эльза и всё прочее. Я – хоть и пустое это, незачем – тем не менее, всю свою биографию выдал.
Благо, коротенькая у меня биография: родился, учился, работаю, перспективы никаких... Ну, помру, дата смерти добавится, вот и завершённый будет роман-жизнеописание...
И она – с чисто европейской вежливостью – весь этот бред про моё тёмное прошлое выслушала, а потом предложила по кофею. Я думаю, с чего бы это?! Может, думаю, я красивый? Как у Булгакова – бабушка согрешила с водолазом, или ещё чего?

Ну нет, конечно, это всё вздор. Пришли мы в фушет-зал, налили себе по чашечке капучино, закусили расстегайком презентационным... И всё выяснилось: она, как и всякая красивая

баны... А двоечники тоже быть должны... Кроме таких, как я, быть ими некому... Так что IQ у меня на уровне идиота! Но мне вепели в редакции не расстраиваться – даже идиот справится с расшифровкой диктофонных записей... Большого же от меня никто не ждёт...
– Грустная история! – говорит мне Эльза.
А я про себя подумал – пусть знает. Незачем нам вместе тереться... Не приведи к добру такое сближение классово-чуждых элементов...
Но она всё равно потом у меня спросила, чем куртаж отличается от куража и фуража. И чем вариационная маржа отличается от обычной. Про обычную-то она знала, всё же экономическую передачу ведёт, а другие тонкости уже от меня получала.
– ...И не пишите, что все у нас плохо, – умоляли в это время нас из президиума лопочущиеся от паюсной игры чины. – Вы же отгугливаете инвесторов...
– А мы и не пишем, что у вас плохо, – сказала я Эльзе на ушко. – Мы пишем, что плохо у нас...
И она поняла, хихикнула в кулачок: поволжская, наша...
Ну, на этом, собственно, и всё – как я думал. Согласитесь, странность уже ощущается, но пока ещё, как говорит наш редактор, «всему можно подыскать разумное объяснение».

Улетели наши немцы-инвесторы, и Эльза с ними в том же самолёте, в свою Саксонию, навсегда...
Проходит пару месяцев – надо же! Вызывает меня в свой закуток, совмещённый в «Предпринимателе» с пунктом питания, Фиолетов-Лепилов, и ехидно так спрашивает: не соскучился ли я по своим немцам? Он всё время «чаёвничает» (слово такое есть), а со всяких бизнес-форумов не как наш брат, по бутылке, таскает, а жратву – корбками! Забив их, как снаряд в пушку туго, в наш редакционный холодильник. Смотрю я на него, и думаю: «Какой ты прозаик? На любом фото расpiraющий подкожный оптимизм выдаёт в тебе редактора «Гпредпринимателя»...»
Сказал, конечно, не это, а о другом, но тоже правду:
– Соскучился.
И вот вываливает в нашем аэропорту новая группа инвесторов, и с ними крутит-ся съёмочная группа, а в объектив камеры вещает всё та же Эльза...
Ну и снова мы с ней пару дней в микроавтобусе для прессы катаемся. Он битком набит, а я никого кроме неё не вижу, а ей, к счастью, тоже кое-что узнать у меня требовалось...
В этот раз нас гоняли на инвестиционный объект: при трассе члены нашего делового клуба выстроили гостинично-ресторанный комплекс «Красный протез», и всё это их обочинное великолепие требовалось заснять-описать...
В дороге мы с Эльзой трещали, не умолкая. Я, вообще-то, человек сумрачный, сдержанный, я столько слов, сколько с ней тогда, – вообще никогда в жизни не говорил. А тут она меня как-то подначивала, что ли, с особой европейской вежливостью – типа, ей зашибись какой интерес насчет моей жизни (пустой) и мнения (никому не нужного).
Ну, мне же не жалко! Она спрашивает – я отвечаю... И про «Красный протез», почему такое название странное – там при коммунистах фабрика протезирования стояла... И про городок её, в Германии с позором переименованный, бывший Ленин – пойми, говорю, Эльза, он с 14-го века был Ленин, он к вождо проловского отношения не имел, просто так уж совпало...
– Неужели, – хлопает ресницами, всю душу мне взглядом выворачивая, – с 14-го века?!

– Ну, говорю тебе, Эльза, лично на средневековых картах видел, Ленин – как есть Ленин... Это какое-то немецкое слово, старое, а по звукам видишь, как совпало... Помнишь, как у Высоцкого: «И кстати, вашего соседа, забирают, негодяя, потому что он на Берлио похож...»
Смеётся...
Зубки маленькие, изящные, белые-белые... Перламутром мерцают...
И стал я напряженно думать – какую бы ещё чушь вспомнить, чтобы подольше она на меня смотрела, хоть и зря это, ни к чему...
– Основы журналистики от Сашки Фиолетова! Директор завода ему говорит: у нас на производстве две новости, хорошая и плохая. С какой начнём? А тот ему отвечает: «Давайте плохую новость и ни слова о хорошей!» – «Почему?» – удивился директор. Саша отвечает: «Сразу видно, что вы ничего не понимаете в журналистике...»
Вроде банальный случай для репортёра, и ничего смешного, а она опять смеётся...
– Приезжай Медведев. Я освещал сбoku. Написал заметку «Медведев в городе», Фиолетов мне лепит: «Он что, зюик без должности? Пиши, как положено!» Мне всё пофиг, пусть будет длинный заголовок, не моя головная боль, исправил так: «Президент России Медведев в городе». Саше опять не слава Богу! Говорит – думай маленько, нас же в краевом правительстве читают! Есть Путин, нацлидер, зачем написал «президент России»? Я уже не знаю, что делать: и с должностью не так, и без должностью не так! Но Фиолетов научил. Вычеркнул одно слово, и всё на место встало. Он в таких делах собаку съел...
– Но какое же слово он вычеркнул? – с виду искренне недоумевала Эльза.
– В итоге вышло: «Президент Медведев в городе»... А чего он там президент – пусть каждый понимает в меру своей испорченности!

Только поволжская немка может понять, над чем тут смеяться...
Так и повелось. Деловой клуб собирается – Эльза сюда, и нас войдой не разольёшь. И мне весело, лепится нелепое какое-то гудение в груди, как будто я не умер давно... Ну, а потом она улетает, надолго, до следующего заседания этих

инвестиционных маразматиков, и оставляет меня тут, среди мёрзлых пашен и заштрихованных инеем стёкол... Как щенка хозьева на даче «забывают», когда осень, и в город пора перебираться...
И понял я, что вышла беда. Что не прачку я встретил, и не водительницу троллейбуса, а – на горе себе – европейскую тележурналистку... И ждате её в компании с ведущими саксонскими банкирами – тоска. И не ждате – тоже тоскливо... Конечно, поговорить бы с ней о чём-нибудь кроме экономики, тестов IQ и средневековой истории – но как? И зачем?

Власти мы с ней в пустом и гулком вестибюле, среди стекла, металла, мрамора, из залпы доносятся голоса, скупо проливается свет, а мы в полумраке. Она мне сигарету дала, курим вместе, дым в потолок...
Я так понимаю – она сначала мне просто пожаловаться хотела. Ну, как близкому человеку, как другу – кому-то же надо пожаловаться на жизнь! И то бы мог в ту секунду подумать, что из банальной жалобы красивой девчонки выйдет?!

– На нашем канале сокращения... – говорит она глухо. – Меня вызвал новый директор и сказал, что я «подпадаю»... Ну, конечно, если я соглашусь с ним «поближе познакомиться», то он может изменить мнение о моём профессионализме... Мерзавец!
– Расстрелять его мало... – сказал я с постным, казённым осуждением на лице в рамках профессиональной солидарности. А потом набрал в лёгкие побольше воздуха и выдал страдальческое: – Хотя я его понимаю...
– Кого понимаешь?! – оторопела Эльза.
– Я хотел сказать... – стушевался я, – что если бы меня за тебя расстреляли, я был бы не против...
– Однако, Тоша... – она смотрела на меня пристально и гипнотической силой своего прекрасного взгляда не давала мне отвести глаз. – Ты это серьёзно?

Многу двигало отчаяние. Я не хотел ей врать. В конце концов, почему? Пусть знает...
– Эльза, почему это тебя удивляет?!

Чего такого есть в моей жизни, что было бы дороже минуты с тобой?! У меня жалкая, пустая жизнь... Она – небольшая цена за счастье быть с тобой хотя бы... хотя бы... Короче, можешь обижаться, но я понимаю твоего директора... Он считал, что у него есть шансы, и он попробовал! Если бы у меня был шанс, а я бы не попробовал – я бы себе никогда потом этого не простил...
Мы оба согласно и значительно помолчали. Потом она сделала шаг ко мне и сказала совсем тихо:
– Мне плохо в Германии, Тоша... Я хотела бы вернуться...
– А зачем ты мне это говоришь?

– А затем, что я не знаю, стоит ли возвращаться? – шепчет она оборотничью. – У вас тут теперь всё то же самое, что и там...
– Может быть... – бормотал я, вконец смущённый её близким дыханием. – Но там, где ты, Эльза, – там и Солнце...
– Ты правда так считаешь? – сузила она зёлёные коварные глаза.
– При чем тут – как я считаю? Если это очевидно?
– Тогда заberi меня к себе, Тоша...
Начала мне показаться, что я ослышался. Потом я подумал, что она поштила. Наконец, я догадался: европейская тележурналистка, конечно же: где-то в фойе скрытая камера и это розыгрыш...
Потому что она говорила совершенно серьёзным тоном. Она не шутила. Она – тележурналистка в кадре. А я страшнейший чухонский газетный репортёр в экономической газете...
Две слезинки сползли из моих бесцветных и невыразительных глаз.
– Эльза, что я плохого тебе сделал? Зачем ты так поступаешь со мной? Где скрытая камера?

– Дурачок! – сказала она, и погладила меня ладонью по плохо бритой щеке (а для кого мне было бриться?). – Нет никакой скрытой камеры... Я не шушу... Сейчас всё в твоих руках. Я своё слово сказала... Решать тебе...
Дальше было совсем уж невероятно. Если решать мне – то я всё давно решил. Я её обнял прямо в фойе этого забытого нами помпального обеда и мы поцеловались самым страстным поцелуем в моей жизни.
А потом... Да, это звучит неправдоподобно, но так оно всё и было, клянусь... Мы уехали ко мне, и она одобрила мою захлещённую и облезлую «популярку» в «хрущёвском» панельном доме.
На следующий день она сдала в аэропорту билет и съёмочная группа канала GTV улетела в ФРГ без неё. И мы стали жить вдвоём. Странным образом тесная для одного квартиры стала для двоих просторной. Бедная для одного – она стала роскошной для двоих. В ней ничего не менялось – но изменилось всё. Я был жалким газетным репортёром – а стал уважаемым сотрудником экономического издания! Раньше ел гадкие макароны с нищенским томатным соусом – а теперь вкушала великолепные изысканные спагетти с роскошным кетчупом...
Но при этом должность моя не изменилась, и визитки перепечатывать не пришлось, до сих пор не понимаю, как такое может быть?

Правда, моего оклада как-то не очень хватало, и она устроилась на наше местное телевидение. Учитывая её прежнее место работы – её взяли без лишних разговоров, а русским она владеет превосходно, с детства!
При этом, шадя моё самолюбие, она уверяла меня, что просто не может без телевидения, и что это не ради денег – ради самовыражения и личностного роста... Я как бы верю...
И ещё: скоро у нас родится ребёнок. Под напором таких фактов я вынужден признать очевидное, но невероятное: она не шутила, не разыгрывала меня, и не играла со мной. Всё случилось на самом деле. Она просто взяла и поселилась у меня.

Я знаю, как вы думаете меня подловить! Обычно такие истории фантасты заканчивают, что, мол, после всего они поверили в себя, сделали карьеру, заработали огромные деньги и купили обалденный дом, и всё такое прочее...
Так вот.
Я не поверил в себя.
Не сделал карьеры, не заработал денег.
И дома не купил.
Но она живёт со мной.
И мне больше ничего не нужно.
А она говорит, что это ей нравится. В чем тут подвох? Рассказки мне такое другой, тот же «прозаик» Фиолетов, – ни в жизнь бы не поверил, так что понимаю вашу скептическую усмешку! Но рассказываю сам о себе. Я голову сломаю, пытаюсь разгадать эту загадку! Видит Бог, не знаю...

Власти мы с ней в пустом и гулком вестибюле, среди стекла, металла, мрамора, из залпы доносятся голоса, скупо проливается свет, а мы в полумраке. Она мне сигарету дала, курим вместе, дым в потолок...
Я так понимаю – она сначала мне просто пожаловаться хотела. Ну, как близкому человеку, как другу – кому-то же надо пожаловаться на жизнь! И то бы мог в ту секунду подумать, что из банальной жалобы красивой девчонки выйдет?!

– На нашем канале сокращения... – говорит она глухо. – Меня вызвал новый директор и сказал, что я «подпадаю»... Ну, конечно, если я соглашусь с ним «поближе познакомиться», то он может изменить мнение о моём профессионализме... Мерзавец!
– Расстрелять его мало... – сказал я с постным, казённым осуждением на лице в рамках профессиональной солидарности. А потом набрал в лёгкие побольше воздуха и выдал страдальческое: – Хотя я его понимаю...
– Кого понимаешь?! – оторопела Эльза.
– Я хотел сказать... – стушевался я, – что если бы меня за тебя расстреляли, я был бы не против...
– Однако, Тоша... – она смотрела на меня пристально и гипнотической силой своего прекрасного взгляда не давала мне отвести глаз. – Ты это серьёзно?

Многу двигало отчаяние. Я не хотел ей врать. В конце концов, почему? Пусть знает...
– Эльза, почему это тебя удивляет?!

Чего такого есть в моей жизни, что было бы дороже минуты с тобой?! У меня жалкая, пустая жизнь... Она – небольшая цена за счастье быть с тобой хотя бы... хотя бы... Короче, можешь обижаться, но я понимаю твоего директора... Он считал, что у него есть шансы, и он попробовал! Если бы у меня был шанс, а я бы не попробовал – я бы себе никогда потом этого не простил...
Мы оба согласно и значительно помолчали. Потом она сделала шаг ко мне и сказала совсем тихо:
– Мне плохо в Германии, Тоша... Я хотела бы вернуться...
– А зачем ты мне это говоришь?

– А затем, что я не знаю, стоит ли возвращаться? – шепчет она оборотничью. – У вас тут теперь всё то же самое, что и там...
– Может быть... – бормотал я, вконец смущённый её близким дыханием. – Но там, где ты, Эльза, – там и Солнце...
– Ты правда так считаешь? – сузила она зёлёные коварные глаза.
– При чем тут – как я считаю? Если это очевидно?
– Тогда заberi меня к себе, Тоша...
Начала мне показаться, что я ослышался. Потом я подумал, что она поштила. Наконец, я догадался: европейская тележурналистка, конечно же: где-то в фойе скрытая камера и это розыгрыш...
Потому что она говорила совершенно серьёзным тоном. Она не шутила. Она – тележурналистка в кадре. А я страшнейший чухонский газетный репортёр в экономической газете...
Две слезинки сползли из моих бесцветных и невыразительных глаз.
– Эльза, что я плохого тебе сделал? Зачем ты так поступаешь со мной? Где скрытая камера?

– Дурачок! – сказала она, и погладила меня ладонью по плохо бритой щеке (а для кого мне было бриться?). – Нет никакой скрытой камеры... Я не шушу... Сейчас всё в твоих руках. Я своё слово сказала... Решать тебе...
Дальше было совсем уж невероятно. Если решать мне – то я всё давно решил. Я её обнял прямо в фойе этого забытого нами помпального обеда и мы поцеловались самым страстным поцелуем в моей жизни.
А потом... Да, это звучит неправдоподобно, но так оно всё и было, клянусь... Мы уехали ко мне, и она одобрила мою захлещённую и облезлую «популярку» в «хрущёвском» панельном доме.
На следующий день она сдала в аэропорту билет и съёмочная группа канала GTV улетела в ФРГ без неё. И мы стали жить вдвоём. Странным образом тесная для одного квартиры стала для двоих просторной. Бедная для одного – она стала роскошной для двоих. В ней ничего не менялось – но изменилось всё. Я был жалким газетным репортёром – а стал уважаемым сотрудником экономического издания! Раньше ел гадкие макароны с нищенским томатным соусом – а теперь вкушала великолепные изысканные спагетти с роскошным кетчупом...
Но при этом должность моя не изменилась, и визитки перепечатывать не пришлось, до сих пор не понимаю, как такое может быть?

Правда, моего оклада как-то не очень хватало, и она устроилась на наше местное телевидение. Учитывая её прежнее место работы – её взяли без лишних разговоров, а русским она владеет превосходно, с детства!
При этом, шадя моё самолюбие, она уверяла меня, что просто не может без телевидения, и что это не ради денег – ради самовыражения и личностного роста... Я как бы верю...
И ещё: скоро у нас родится ребёнок. Под напором таких фактов я вынужден признать очевидное, но невероятное: она не шутила, не разыгрывала меня, и не играла со мной. Всё случилось на самом деле. Она просто взяла и поселилась у меня.

Я знаю, как вы думаете меня подловить! Обычно такие истории фантасты заканчивают, что, мол, после всего они поверили в себя, сделали карьеру, заработали огромные деньги и купили обалденный дом, и всё такое прочее...
Так вот.
Я не поверил в себя.
Не сделал карьеры, не заработал денег.
И дома не купил.
Но она живёт со мной.
И мне больше ничего не нужно.
А она говорит, что это ей нравится. В чем тут подвох? Рассказки мне такое другой, тот же «прозаик» Фиолетов, – ни в жизнь бы не поверил, так что понимаю вашу скептическую усмешку! Но рассказываю сам о себе. Я голову сломаю, пытаюсь разгадать эту загадку! Видит Бог, не знаю...

Загадка Сфинкса. Художник Франсуа Эмиль Эрманн

водой не разольёшь: то саксонцы к нам... то наши к ним...
Эка невидаль, скажете вы, не понимая, что тут фантастического, ну да я ведь не об этом!

Меня это, в общем-то, никаким боком не касалось, за исключением: попав в пул халаявы, пожевать изычную выпечку на презентациях, а если повезёт – то даже и спереть, по давней секьюр журналистской традиции, бутылку водочки. Это уж как водится... Ежели её никто за твоим столиком не распечатает...
Вижу, вы меня осуждаете, но вот что я вам скажу: всё одно ведь сервераторы сопрут себе к каптёрку, лучше уж... И по секрету добавлю, у того журналиста, который намастрячился ходить по деловым презентациям – даже внутренний карман специальный имеется, аккурат чтобы бутылка проходила. На этой стезе – не я первый, не я последний...
Работал я на момент этих удивительных событий в местной газете «Гпредприниматель» простым репортёром. Жил тогда одинок, в доставшейся от покойной бабушки маленькой панельной квартирке, на которую накатывали волны боссацкой разрухи. Зарабатывал немного, но в принципе – мне хватало...
Ну, конечно, по журналистским меркам я в самом низу пищевой цепи. Вот, судите сами: репортёр этой пехота журналистики, он в атаки ходит – на презентации и объекты – и в дождь, и в снег, и в грязь лицом... Такого всегда куда-нибудь заспать могут, сам себе не хозяин. Поднимаешься на ступеньку – ты корреспондент. Это уже посolidнее – уже ты сам корреспонденцию готовишь, а не просто описываешь увиденное. Ещё шаг наверх – обозреватель. Этому никуда бегать не надо, ему информация подают на блюдечке, чтобы он её «обозрел». Обозреват... то есть обозреет он её минут за двадцать – считай, весь день свободен... Они поэтому алкаши и курильщики заявлятые, эти обозреватели!...
Ещё вверх по лесенке – и попадаем в круг заводделов и колумнистов. Заводделы я не знаю зачем, это типа пенсии для заслуженных писак, которые уже испились, а выгнать их редактору жалко... Колумнист – белая кость! Сам выдумывает, что в своей колонке написать! О таком только мечтать можно!

Но и это не предел. Выше там замы редакторов, «ответы», «выпускающие» и прочая, и прочая... И главный редактор – маленький фюрер... И все эти люди живут, кто хорошо, кто плохо, но в каком-то перевёрнутом, извращённом мире. Мой редактор, Сашка Фиолетов-Лепилов, – ну в точности тот редактор из анекдота:
– ...Крушение поезда?! Прекрасно! Жертвы есть?

Женщина, не обязана знать всякий бред, который несут пожилые артритные да геморройные банкиры. Те-то в конференц-зале распинались про какую-то «кривую Бевериджа». И вот теперь надобно Эльзе узнать – что это такое и с чем едят...
– Кофеим запивают... – улыбнулся я. – Это такой график зависимости между безработицей и числом вакансий... Ваш этот Фогелер, – это я про банкира, страдающего одышкой, – имел в виду, что рабочая сила тут выгоднее, чем в ФРГ. И кривой этой криво обосновывал...
– А-а... – улыбается она мне холодно. – Понятно. Спасибо, Тоша...
Так и возник у нас с Эльзой странный симбиоз. Я стал ей всякий маразм инвесторов с экономического языка на русский переводить. И ей сподручно, и мне приятно! А она уже с русского на немецкий под камеру для репортажей... Ей своего рода техническая поддержка, а мне... Ну кто же откажется возле такой постоять?!

– Тоша, – говорит, – помню, антикрез, судя по словосочетанию, нищий человек? Я правильно поняла?

– Ну, строго говоря, правильно, если бы речь шла о нормальных людях, – ответил я. – Ведь Крез – это легендарный античный богач, стало быть, «анти» – ему наоборот. Но у экономистов, которые на всю голову отморозженные, антикрез – это такая особая форма залога, когда твоим залогом ростовщик имеет право пользоваться. Ну, типа ты машину в его гараж поставила – а он сел в неё и давай кататься...
Когда я ей это рассказал в холодном фойе, где она зябко поводила плечами – она сделала мне шикарный комплимент:
– Тоша, – говорит, – у тебя, наверное, IQ высшей степени?

Они в Европе все в эту чушь про IQ верят...
– Нет, – говорю (а самому приятно), – к сожалению, мой IQ на уровне идиота.

– Как же так может быть? – хлопает она фантастическими ресницами. – Тут тебе и аваль, и антикрез...
– Ну, – отвечаю, – если ты в Поволжье жила, должка помнишь! На любом экзамене для правдоподобия обязано найтись какое-то количество двоек и троек... Для объективности оценки... Если экзаменатор всем «пятками» расставит – его же заподозрят... Вот у нас есть главный редактор – его IQ должен быть наивысшим, правильно?

– С какой стати?
– А иначе почему он нами руководит?!

То есть заранее известно, у кого будет высший результат... Замам – по четверке, чтобы статус подтвердить, всяким там заслуженным и номинированным – трой-